

ВЕСТНИК
германской
епархии

русской православной • 2
церкви за границей • 1990

Рахау при протоиерее С. В. Протопопове. Иконостас, престол, жертвенник и прочие принадлежности прежней Миссийской церкви во Франкфурте, которые не были употреблены в каменной надгробной, нашли себе применение в зимней, домово́й церкви, при которой находится и помещение (дом принадлежит герцогскому управлению) для настоятеля церкви.

Настоятель – прот. Сергей Васильевич Протопопов – сын умершего прот. Большого Собора Зимнего дворца, из потом. дворян, род. 8 июня 1851 г. Окончил курс Спб. Духовной Академии в 1874 г. и рукоположен во священники в Александро-Невскую церковь в Смольном институте, в 1875 по 1880 г. состоял редактором журнала "Странник"; в 1876 г. на летний сезон был командирован для священнослужения в Карлсбад; в 1878 г. перемещен к Никольской православной церкви в Ниццу; в 1883 г. устроил домовую церковь в Ментоне и открыл в ней богослужение для проживающих там русских больных. Сюда перенесена была им, с соизволения королевы Ольги Николаевны – старая походная церковь в Бозе почивающей императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая I, в 1884 г. возведен в сан протопиерея; устроил церковь в г. Каннах в доме А. Ф. Трипэ-Скриницыной и, по освящении, открыл в ней богослужение с 22 декабря 1885 г. В 1887 г. перемещен в Висбаден. Издал нотные переложения литургии на русском и немецком языках и "О художественном элементе в православном церковном пении". Имеет митру.

Диакон Сергей Сергеевич Полевой из потом. дворян – сын генерал-лейтенанта, род. 21 февраля 1873 г. Из вольноопределяющихся поступил в 145 пехотный Ново-черкасский Его Величества полк в 1893 г. уволился в запас армии в чине подпрапорщика, в 1897 г. определен псаломщиком в церкви Сибирского флотского экипажа, в 1900 г. рукоположен во диакона на той же вакансии псаломщика, в 1901 г. переведен к церкви Бобруйского дисциплинарного батальона, в 1902 г. переведен в Висбаден.

Псаломщик Василий Иванович Хутынский, род. 29 дек. 1838 г. в Спб. епархии окончил курс в Спб. духовной семинарии в 1861 г. состоял воспитателем в доме бедных Императорского Человеколюбивого Общества; определен псаломщиком в Висбаденской церкви в 1869 г. 29 янв.

До сего места мы почти без изменений приводили текст протоиерея Алексия

Храм Св. Елисаветы и вид с храма на г. Висбаден

Мальцева из его книги: "Братский ежегодник, Православные Церкви и Русские Учреждения за границую", Петроград 1906.

Позже, в 1896 г., Царь-Мученик Николай II со своей супругой Царицей-Мученицей Александрой Федоровной (рожд. Дармштадтской принцессой Аликс), посетил храм св. прав. Елисаветы. Царя-Мученика сопровождали также Вел. Кн. Сергей Александрович с супругой Елисаветой Федоровной, сестрой царицы, которая была впоследствии убита большевиками, день после Царской семьи, 18 июля 1918 г. Мощи св. Новомученицы ныне покоятся на св. Земле, в русском монастыре в Гефсимании. Царь-Мученик купил на свою личную казну – храм, кладбище и участок леса кругом, чтобы сохранить для православных в Германии это сокровище.

Как правило, священники окормляющие приход в Висбадене отвечали также за храмы в Бад Эмсе и в Дармштадте. Лишь вследствие Второй мировой войны приходы в Германии настолько разрослись, что Епархии во главе с епископом Берлинским и Германским пришлось полностью перераспределить обслуживание приходов. Последние годы один и тот же священник окормляет и Висбаден и Дармштадт.

Наш "Вестник" является официальным органом Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. Редакторы "Вестника" стараются по совести высказывать мысли согласные с учением Святой Православной Церкви и нашей иерархии. Однако, при всем старании авторов, иногда могут допускаться ошибки. Ответственность за такие ошибки ложится исключительно на авторов статей и на редакторов "Вестника", но ни в коем случае не на Архиерейский Синод или Епархиальное Управление, которые не ведут предварительной цензуры, и не могут знать заранее, где и что будет напечатано.

"Вестник" распространяется даром. Он издается трудом и иждивением братства Преп. Иова в Мюнхене. Всех заинтересованных в его существовании и распространении мы просим жертвовать на счет Монастыря с соответствующим указанием на переводе. Малые пожертвования возможны в форме марок.

Счет Монастыря: (PSCHA München Konto Nr. 53031-801)

Адрес Редакции:

Vestnik
Kloster d.Hl. Hiob von Počaeu
Schirmerweg 78
8000 München 60
Tel. (089) 834 89 59
Fax: (089) 88 67 77

Христосъ Воскресе !
Истинѣ Воскресе !

Редакция "Вестника Германской Епархии"
поздравляет своих читателей
со светлым праздником и желает всем
истинной пасхальной радости.

Хрѣтосъ Воскресе! Воистинѣ Воскресе!

"Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны" (Пс. 117, 24).

Возрадуемся и возвеселимся в день обновления, в день всерадостной Пасхи, в день Воскресения Христова! Все располагает к торжеству: природа обновляется, деревья цветут, тянутся к свету ростки. Человек благочестивый в течение сорокадневного Поста черпал новые силы духовные и телесные и встает, очищенный и облегченный от тяжести греха и телесности. Весь этот мир создал Бог - сей день, егоже сотвори Господь - и Он все передал человеку на пользование, поставив его господином над всей тварью.

Но человек, грешный и горделивый, слишком любит подчеркивать свое господство над тварью. Приписывая его своим заслугам и достижениям своего ума, он этим как бы перечеркивает самую неразрывную связь со своим собственным Создателем. Когда мы любимся обновляющейся природой, мы не смеем отрывать ее от ее Творца. Обновление всей твари, и в том числе человека, зиждется на пасхальном, через пост и крест выстраданном обновлении нашего отношения к Богу. Сам Господь Своим крестным подвигом "прекратил свирепство дьявола, упразднил силу смерти" (Зигабен). В этот день воскресения мы переходим от земного к небесному, от тленного к нетлению, от материального к духовному. По словам блаженного Феодорита, каждый день освещается солнцем, но свет его сообщается телам, а не душам. Между тем, сияние спасительного Слова озаряет словесные души. В сей день Бог в начале сотворил свет. А когда день был почтен воскресением Христовым, он уже "озарился лучами солнца правды". Только он-то и есть настоящий день. Из ноши неведения и греха Господь нас выводит в светлый день Своего Воскресения. Свет Его озаряет нас и всю тварь, сообщает нам истинную непреходящую радость общения с Ним, ведет нас к очищению и обновлению.

Перед светом истинного Солнца Христа расточатся все наши темные дела как

"врази Его и бѣжать отъ лица Его ненавидящии Его" (Пс. 67, 1). Время покаяния помогло нам осознать, что не только наши грехи ненавистны Богу, но что мы сами делаемся Его врагами, если пребываем в делах тьмы. Господь восстает как Судия, но суд мы сами себе произносим. Перед лицом Его правды наша неправда *"исчезаетъ яко дымъ и таетъ яко воскъ отъ лица огня"* (Пс. 67, 3).

Огонь любви Божией распространяет тихий и приятный свет на любящих Его. И тот же огонь, попаляя наши грехи, разоблачает врагов Христовых и внутри и вне нас. Как часто злые духи принимали на себя вид ангелов света и обманывали людей, забывших, что *"благословенъ"* только тот, кто грядет *"во имя Господне"* (Пс. 117, 26). Как легко и мы не только приносим в жертву этим мнимым ангелам все, что нам дорого, но даже сами делаемся живыми жертвами их, становимся в ряд действительных врагов Божиих. Такие "ангелы света" являются и в наши дни в самых различных обликах. Обещают легкого успеха в телесной жизни при отвращении от Бога; провозвещают мир на земле, зараженной враждой между женою и змием; провозглашают рай на земле, но рай пустой, без Бога живаго. Предаваясь надежде спастись благодаря политическим и идеологическим переменам, человек легко поддается обману ложных ангелов. На самом же деле лишь огонь Христовой правды пожирает весь этот обман.

Этот огонь пожирающей Любви вселяется в нас в сей день, *"егоже сотвори Господь". "И изведе люди своя въ радости, и избранныя своя въ веселіи"* (Пс. 104, 43). Радость и веселие даются нам не ради наших заслуг, но ради того, что Господь нас избрал по Своей милости. Даются нам радость и веселие с условием и целью: *"Яко да схранять оправданія Его, и закона Его възшутъ"* (45).

В наши дни целые народы Восточной Европы стараются освободиться от телесного рабства. Не пора ли нам напомнить им и самим себе, что истинное освобождение

от язычников и рабов-поработителей может совершиться только при церковном покаянном сознании, в очищенных сердцах, одухотворенных телах и облагодатствованных душах? Сохраним оправдания Его и взываем закона Его! И тогда удостоимся и мы истинной радости в новый день Господень, день нового света, света Христова Воскресения.

Этого света желаем и Вам и всем нашим доселе поработенным братьям и сестрам,

о. Юстин:

Толкование на Св. Евангелие от Матфея

Тогда приходит Иисусъ изъ Галилеи на Иорданъ къ Иоанну, креститься отъ него. 3, 13-17

Первая евангельская добродетель - смирение. Вот оно идет вперед Христа, ибо Он весь исполнен им и оно сияет из Него. Господь приходит, дабы креститься от слуги. Разве это не смирение выше всякого смирения? Безгрешный приходит креститься от грешного - разве это не смирение и источник всякого спасоносного смирения? А со смирением Безгрешного приходит божественное свидетельство о величии св. Крестителя: Иоанново крещение покаяния - от Бога, по повелению Божию, ибо все, что Иоанн делает и совершает - от Бога (ср. Лк. 3, 2; Иоан. 1, 33).

С рабами Господь, с виновными Судия идет креститься, - говорит св. Златоуст. Но не смущайся этим: в этом-то смирении и сияет особенно величие Его. Да и чему удивляться, если принял крещение и вместе с другими пришел к рабу Тот, Который благоволил столько времени пребывать в утробе Девической, родиться с нашим естеством, принять заушения и крест и претерпеть все, что претерпел Он? Удивительно то, что Он, будучи Богом, восхотел соделаться человеком; все же прочее было уже следствием этого. Потому-то Иоанн предварительно говорил, что он недостоин развязать ремни обуви Его (Лк. 3, 16) и что Христос есть Судия, Который воздаст каждому достойное и всем ниспошлет в обилии Святого Духа, чтобы ты, видя Его идущим креститься, не судил о Нем низко.

Чистый принимает крещение, говорит блаженный Феофилакт, чтобы нас омыл и показать нам, что если мы желаем креститься, нам следует, прежде всего, очиститься, чтобы не осквернить крещение, легко утопая по скверной привычке и пос-

провозвещаая: "Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящїи Его" (Пс. 67, 1)!

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Мюнхен,

Пасха Господня 1990 г.

Марк, Епископ Берлинский
и Германский

ле него в грехе. С рабами Господь, говорит Зигабен; но рабы идут каяться, а Он - дабы явиться народу, ибо так говорит св. Евангелист Иоанн (1, 31).

Иоаннъ же удерживалъ Его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и ты ли приходишь ко мнѣ? 3, 14

Ко всему, относящемуся ко Христу, св. Иоанн бесконечно восприимчив. По дару Духа Святого, он еще в утробе материнской взыграл от радости, когда к св. праведной Елисавете пришла Святая Дева Мария, только что зачавшая Иисуса Христа от Духа Святого (Лк. 1, 41. 44). Так и теперь, когда Иисус пришел к нему креститься, он осознал "от Духа Божьего, Который обитает в нем", что Иисус есть Мессия и Спаситель. Он сразу почувствовал все Божественное величие Иисусово и все свое человеческое ничтожество. Поэтому он с возбуждением возбраняет Ему: *мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и ты ли приходишь ко мнѣ?* Я - человек, и как человек - грешен; и я от грешного рода человеческого, рода Адамова. Вот, по дару Божию, я вижу перед собой все грехи человеческие и все мы, люди, утопаем в них, все без исключения, и я с ними. Я послан, чтобы крестить грешных людей крещением покаяния, чтобы разбудить в них сознание о их греховности, и чувство покаяния за грехи. Как мне тогда крестить Тебя, безгрешного, моим крещением, крещением покаяния? Зачем покаяние Безгрешному? Разве что Ты пришел каяться за нас и вместо нас? Да, да, Ты пришел взять на Себя грех мира (Иоан. 1, 29). Молю Тебя, возьми и мои грехи; крести Ты меня, ибо Твое крещение освобождает от всякого греха и от всякой смерти.

Видя Иисуса Христа пришедшего к св. Крестителю чтобы креститься, люди могли подумать, что и Он – грешный. Чтобы их предупредить, св. Иоанн и говорит Иисусу Христу: *мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и ты ли приходишь ко мнѣ?*

Поскольку Иоанново крещение, говорит св. Златоуст, было крещением покаяния, приводящее людей в сознание грехов, то, чтобы кто не подумал, что и Иисус приходит на Иордан с таким же намерением, Иоанн в предупреждение этого называет Его Агнцем и Икупителем мира от греха. Тот, кто мог истребить грехи всего рода человеческого, Сам уже без сомнения был безгрешен. Поэтому Иоанн и не сказал: вот – Безгрешный! но, что гораздо важнее: *се Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра* (Иоан. 1, 29) – чтобы вместе с этим ты уверился и уверившись увидел, что Он приходит ко

крещению с иною какой-то целью. Иоанн возбраняет Иисусу Христу креститься, чтобы видящие не подумали, что и Он, как один из многих принимает крещение ради покаяния.

Возражение Иоанна против крещения Спасителя Зигабен объясняет так: *Ты должен крестить меня*, Ты безгрешный – меня, грешного – *ο υπερευνοῦς ἀμαρτίας*; – Ты, Который крестишь Духом Святым и огнем, Меня, крещающего простой водой; Ты, Господь, – меня, слугу; Ты, Бог – меня, человека; *и ты ли приходишь ко мнѣ?* Предтече было необходимо получить очищение от Господа, ибо он сам, будучи потомком Адама, был заражен нечистотой неположения; воплощенный же Христос очистил все.

(Продолжение следует)

Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина подвижника и отшельника, бывшего епископа Ниневии

Сотница первая*

43. Ум наш легок и, если не связан памятованием Божиим, не избежит парения.

44. Иное есть чистота ума, а иное – чистота сердца.

45. Ум есть одно из душевных чувств, а сердце обнимает в себе и держит в своей власти все внутренние чувства.

46. Ум скоро очищается, но и скоро окверняется, а сердце достигает чистоты многими скорбями, лишениями, удалением от зла и умерщвлением для мира страстей и не боится браней, потому что как испытанную и верную душу, ее укрепляет Бог.

47. Много познавшие порок и живущие в тесной связи с мирскими людьми не могут очистить ум до первоначальной чистоты.

48. Точный признак исхождения ума от мира страстей – это обильные и продолжительное время изливаемые слезы.

49. О чем ум памятует, в том и его жизнь.

50. Чтение с бдением и частыми поклонами просветит твой ум, и ты не будешь походить на мертвеца.

51. Ум на что взирает, от того и приемлет образы.

52. Душа в естественном своем состоя-

нии доходит до познания Божией премудрости: от познания Божией твари возносится она к Богу.

53. Когда чувства заключены безмолвием, тогда познаешь естественные помыслы души и какие сокровища имеет она сокрытыми в себе.

54. Образ Божий в невидимой душе разумной.

55. Естественное состояние души заключается в ведении Божиих тварей чувственных и мысленных.

56. Добродетель естественна и есть здравие души.

57. Души, когда очистятся, видят низшие чины и высшие чины духов, и друг друга в своем чине. Видят души, но не телесно, созерцают естество духовное оком естественным, то есть прозорливым.

58. Разумная душа или по естеству делает правду, или превышает естества восхищается в созерцании Бога, или нисходит пасти свиней, как расточившая богатство своей рассудительности.

59. Невозможно подвижнику избавить душу свою от гибели, если он щадит свое тело.

60. Когда душа вошла в покой от страстей, не боится она смерти.

61. Любовь от молитвы, а молитва от пребывания в уединении (отвлечения от суетного).

* (начало см. "Вестник Германской Епархии" № 6/1989, с. 23)

62. Удаляйся от зрения мира, прекрати свидания с людьми, бойся смущения душевной беседы, и молитва твоя будет чище.

63. Без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу.

64. В праздности сокрыта верная смерть, ибо дается вход бесам, которые мучительно облачают человека страстями. Потому псалмопение и непрестанная молитва охраняют нашу душу.

65. Всегда и везде храни (свое) сокровенное делание - непрестанное собеседование с Богом.

66. Быть злопамятным и молиться, то же, что сеять на море и ждать жатвы.

67. Кто достиг уже совершенства в житии, тот стяжал непрестанную молитву, ибо достиг высоты добродетелей и соделался обителем Пресвятого Духа, и Сам Дух молится всегда (Рим. 8, 26).

68. Тогда в сонном и бодренном состоянии человека молитва не пресекается в душе его, но ест ли, пьет ли, спит ли, делает ли что, даже в глубоком сне без труда издаются сердцем его благоухания и испарения молитвы. Тогда молитва не отлучается от него, но всякий час, хотя и безмолвствует во внешности его, однако же в то же время совершает в нем службу Божию. Ибо молчание чистых один из христианских подвижников называет молитвою, потому что помыслы их суть Божественные движения, а движения чистого сердца и ума суть кроткие гласы, которыми сокровенно воспевают Сокровенного.

69. В духовной молитве не молитвою молится душа, но чувством ощущает духовные вещи онго века, превышающие понятие человеческое, уразумевание которых возможно только силою Святого Духа. А это есть умное созерцание и духовное видение.

70. При молитве не гонись за количеством и мерой, но с умилением разумеи псалмопение и не смущайся от диавола.

71. Слезы при молитве - признак Божией милости, признак принятия молитвы и начало вхождения в чистоту.

72. Возлюби на молитве поклоны.

73. Ночная молитва дороже дневной.

74. Кто любит беседу со Христом, тот любит уединение.

75. Заменяй человеческие собрания и беседы на собеседование с Богом.

76. Молитву почитай ключом к истинному смыслу, сказанному в Божественных Писаниях. Молись так: "Дай мне, Господи,

принять ощущение заключающейся в них силы".

77. Нерассеянная молитва производит в душе ясную мысль о Боге, и водружение нами в себе памятования о Боге есть вселение в нас Бога.

78. Покаяние есть возрождение от Бога и рождается от веры и страха наказания, пока не приобретаем любви.

79. Мученики есть за веру во Христа и бескровны за соблюдение заповедей Христовых.

80. Заповеди даны против страстей, чтобы очистить душу и ввести ее в первобытное состояние.

81. Бойся Бога из любви к Нему и познай - откуда мысль ведения западает в персть нашу.

82. От Бога посылается мысль об иходе души и, если человек не угасит ее, а будет возвращать в безмолвии, то приведет она к глубокому созерцанию.

83. Когда душа выходит из тьмы, сердце горит, и, как огонь, распаляется день и ночь, мир вменяется в уметы и пепел, дается поток слез во всякое время и во всяком деле. Это признак того, что переплыл ты море.

84. Приношения праведных - слезы очей их. Некоторые множеством слез заменяют все службы. Пока не достиг ты в область слез, дотоле сокровенное твое служит еще миру, т.е. ты ведешь еще жизнь мирскую, и Божие дело делаешь еще внешним человеком, а внутренний человек твой бесплоден, потому что плод его начинается слезами.

85. Когда достигнешь в область слез, знай, что ум твой вышел из темницы мира сего, поставил ногу свою на стезю нового века, и начал обонять воню чудного нового воздуха.

86. Слезы начинают источаться, потому что приблизилось рождение духовного младенца, божественного младенца, божественного образа от благодати.

87. Слезы бывают непрерывно день и ночь. Очи достигшего в сию меру уподобляются водному источнику до двух и более лет, а потом приходит он в умирение помыслов и входит в покой (Евр. 4, 3), и начинает созерцать тайны.

88. Тогда Дух Святой начинает открывать ему небесное и вселяется в нем Бог, и воскрешает в нем плод Духа.

89. Делание монаха - плач.

90. Если нет слез - изучай Писания и насыщайся ими.

91. Слезы при молитве – признак Божией милости, принятия молитвы и начала вхождения в чистоту.

92. Сердце милующее при воспоминании о всем творении, о человеке, о птицах, о демонах, о всей твари источает слезы и молится о врагах, чтобы они были помилованы.

93. Кроме слез не ищи другого более явного признака благодати.

94. Когда душа выходит из тьмы, тогда бежит мира, пищи и слезы потоком льются.

95. От напряженного делания рождается горячность, утончение ума, т.е. в один день много раз идут у человека слезы, и потом оскудевают, а за ним следует – непрестанные слезы, и от многих слез душа приемлет умирение помыслов, умирение браней. Затем происходит воздвижение до чистоты ума, открывается ведение тайн Божиих и ум зрит откровения и знамения.

96. И бывает у тела вопль, смешанный со сладостью меда, очи уподобляются водному источнику до двух и более лет непрерывно день и ночь, а потом приходит он в умирение помыслов и в покой.

97. Когдаходишь в умирение помыслов, тогда отъежится у тебя множество слез, и потом приходят к тебе слезы в меру и в надлежащее время. Это есть самая точная истина, короче сказать, так верует вся Церковь.

98. Бдение ума дарует душе херувимские очи. Днем же храниться нужно от сходбищ и бесед.

99. Если бы тело по немощи своей ослабело и не могло поститься, то ум одним бдением может привести в благородство душу и дать ключ сердцу к духовному разуменнию.

100. Если нет сил, то, сидя, бодрствуй и молись сердцем ночью.

Оптина Пустынь и ее старцы

На пятой неделе после Пасхи 1990 г. в Канаде состоится Архиерейский Собор. В воскресенье 13 мая в Монреале имеет совершиться прославление Оптинских Старцев. 14 Оптинских Старцев будут причислены к лику Святых. В связи с этим величайшим событием в жизни нашей Церкви мы здесь помещаем ряд статей об Оптиной Пустыни и ее старцах. Этот материал получен нами из России. Ред.

Слово 2. Состояние духовной жизни в России

Русь, принявшая Святое Крещение 1-го августа 988 года, почти пять столетий созидалась духовно под знаменем веры христианской.

Православная вера – великая сила Христова, разрозненное ранее язычество объединила в единую великорусскую народность – Православную Русь. Христианство, как свет, освещало все устои наших предков, духовные и мирские. На Руси утверждалось благочестие. Слово Божие преображало людей, переменяя их нравы. Лицо земли Русской покрылось храмами и монастырями, Церковь Божия влекла людей на добрые дела, неся в мир очищение, просвещение, освящение, "вразумляя всякого

человека и научая всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе" /Кол. 1, 28/. Святой именовалась Русская земля, так велико было благочестие наших предков.

Созидавая родную Русь, вместе с народом испили всю горькую чашу страданий все святые земли Русской. Святые благоверные князья в битвах не щадили своей жизни, в отношениях с ханами жертвовали собой, сохраняя Русь, веру Православную и русский язык. Святители и преподобные были великими патриотами, живя во время жестоких междоусобных войн, водворяли в отечестве мир, своими молитвами прогоняли врагов, хранили чистоту веры Православной, боролись с ересью и насаждали Слово Истины.

Во многих бранях и скорбях молитвами святых своих угодников под Покровом Божией Матери устояла созидающаяся Русь, свергнув монголо-татарское иго. В благодарность Богу наши благочестивые предки построили много церквей и монастырей.

Выдающуюся роль в истории Русской Церкви и Русского государства сыграло монашество. Русские иноки подвижники благочестия молились о созидании Руси, и вера Православная принесла единение русскому народу. Под влиянием иночества люди стали менять свои законы на законы истины, правды, добра и справедливости.

КАЛУЖСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Оптина пустынь

И законы гражданские отображали церковное и Евангельское благочестие. В школах детей учили заповедям Божиим, воспитывали на примерах святых, учили их добродетелям, смирению, любви к Богу и ближним. Возрастало благочестие, уменьшалось число разбойников, воров и туенядцев. Иноки водворяли на земле мир и любовь, учили милосердию и трудолюбию, давали советы и многих приводили ко спасению. Монастыри были источниками благотворения и просвещения. Иноки обращали языческие народы в христианство, обучали их строительству и земледелию. Они молились за весь мир, несли в него веру Христову и сохраняли чистоту Православия. Чудесными благодатными исцелениями укрепляли веру и прославляли Божественную силу Христа Бога. Обители, основанные на крайнем западе Руси, были оплотом Православия, сдерживали рыцарей и немцев-католиков. Монастыри никогда не замыкались в своих стенах, иноки служили не только делу своего спасения, они молились за весь мир.

XIV и XV века были периодом расцвета монашества, периодом Фиваиды на Руси. Преподобный Сергий заложил основы просвещения и нравственного воспитания русского народа, обновил дух подвижничества и умного делания, благодатного Богообщения и созерцания, и свет Живона-

чальной Троицы Богопросвещенным гением преподобного Сергия отображался в жизни и делании его учеников, которые становились настоятелями и архиереями и всем возвещали путь покаяния и путь Богообщения. Возрожденное преподобным Сергием русское монашество в течение 200 лет сохраняло свою высоту.

После светлой эпохи XIV и XV столетий, связанных с преподобным Сергием и плеядой его учеников, наступил период духовного застоя. Вместо подвига, указанного святыми отцами, состоявшего в очищении сердца от страстей непрестанной молитвой, настало время внешних подвигов, время железных цепей и тяжелых вериг. Число святых уменьшилось.

Реформы, проведенные в царствовании Петра I, положили начало упадку духовной жизни в России, пагубно отразились на жизни русской Церкви и монастырей. В 1720 году по совету английского юриста он отменил патриаршество, ввел духовную коллегия, утверждаемую сенатом. Архиереи должны были давать присягу перед светской властью. Синод стал подчиняться царю и приносить присягу в верности династии, ее отменили в феврале 1901 года. Император стал главой Церкви, и было это 200 лет. Правила святых Апостолов, святых Соборов Вселенских и поместных были нарушены, и это было ко-

щунством. Смертный, земной царь прославлялся вместо Царя Небесного. Полнота власти должна быть в Соборе епископов, а ее захватил царь Петр. Синодальный период был с 1721 по 1917 год. Духовный регламент Петра называли в народе проклятой, еретической книгой, которая, по словам Карамзина, нанесла вред Церкви и государству.

При Петре I и после его царствования в течение 150 лет монашество подвергалось преследованиям со стороны правительства. Петр I, недоброжелательно относившийся к Церкви, особенно не любил монахов, всячески стеснял деятельность монастырей, лишавших по его мнению, армию рекрутов. Он явился инициатором законов, запрещавших строить новые монастыри и постригать монахов сверх установленных норм. По воле царя Святейший Синод с 1723 года издает несколько указов, отрицательно повлиявших на монастыри. Первоначально было предписано никого не постригать во всех монастырях, а на "убылые места" определять отставных солдат. В феврале 1724 года разрешено было принимать в обители и постригать только вдовых священников и диаконов. Одновременно повелевалось "малобратственные монастыри и пустыньки сводить с прочими в совокупление неотложно..., и оные пустыньки весьма упразднить".

Слово 3. Возрождение духовной жизни

В начале XIX века постепенно наступало духовное возрождение. Многие монастыри, пришедшие прежде в упадок, как например, знаменитый Валаам и Киево-Печерская Лавра, постепенно стали крепнуть, но особенно прославилась в это время среди обителей Введенская Оптиная Пустынь, которая явилась средоточием русской церковной жизни.

Еще в середине XVIII столетия две сильные личности дали толчок возрождению "умного делания": один архимандрит Паисий Величковский, за пределами России возобновляет учение о духовной молитве; другой преосвященный Гавриил, митрополит С.Петербургский, создает питомники, откуда это учение могло распространяться. Переведенное Паисием Величковским и изданное митрополитом Гавриилом "Добротолюбие" послужило основанием этому движению. Это был возврат к живым источникам отеческого богословия и богomyслия. Издание славянорусского

"Добротолюбия" было важным событием не только в истории русского монашества, но и в истории русской культуры вообще.

Схиархимандрит Паисий, в миру Петр Иванович Величковский, родился в 1722 году, с детских лет возревновал о монашеской жизни, обошел многие монастыри и, не найдя ни в одном из них строгой монашеской жизни, сначала уходит на Афон, а затем в Молдавию, где стал прежде всего устроителем монастырей. И в них он восстанавливает лучшие заветы Византийского монашества. Нямецкий монастырь становится при старце Паисии большим литературным центром, очагом богословски-аскетического просвещения. Частично сам, частично со своими учениками, он перечел аскетические творения 24 отцов, которые и составляют первое издание "Добротолюбия". Кроме "Добротолюбия", он

Преп. Паисий Величковский

перевел с греческого творения великого учителя внутренней жизни Исаака Сирина, творения Максима Исповедника, житие Григория Синаита и слова Григория Паламы, исправил древние славянские переводы писаний Макария Великого, Иоанна Лествичника, Варсонофия, Фаласия, Симеона Нового Богослова. Сам он написал "Шесть глав об умной молитве". Своею деятельностью Паисий Величковский оказал

большие услуги православному монашеству. Он оживил русское монашество, возбудил в нем дух древнего подвижничества, во-первых, своими трудами по переводу святоотеческих книг, а во-вторых, тем, что воспитал целый ряд учеников. Слава о старческой деятельности Паисия Величковского, о трудах его по переводу святоотеческих творений далеко пронеслась по России; о нем знали не только среди монашества, но и среди русского народа, многие лучшие русские иноки стремились к нему, чтобы стать его учениками. Пройдя искусно иноческой жизни под руководством старца Паисия, эти иноки, умудренные опытом духовной жизни, впоследствии возвратились снова на родину в Россию. Возвратившись в Россию, ученики старца Паисия явились проводниками начал древнего подвижничества, полагающего центр тяжести иноческой жизни в духе, а не во временных только подвигах.

Сфера проникновения и распространения учения разделяется на три округа: северный, центральный и южный.

В северном округе отмечаются следующие центры: Соловки, Валаам и Александро-Невская Лавра, которая, собственно, и была главным средоточием всего. В Соловках насадителем Паисиевых преданий был иеросхимонах Феофан. На Валааме и в Александро-Свирском монастыре трудились ученики старца Паисия – схимонах Феофор и иеросхимонах Клеопа, которые под руководством великого старца обучались "искусству всех искусств" – умному деланию, умносердечной непрестанной молитве. От них учение перешло в Оптину Пустынь, через старца Леонида. Но вся душа северного движения была сосредоточена в Петербурге. Оттуда исходит назначение настоятелей-возобновителей. Так, например, на Валаам выписан из Сарова игумен Назарий, и из иных мест и другие настоятели. В руках митрополита Гавриила соединились все нити, и он дает нужный толчок и направление. У него же в Лавре первоначально появляется Филарет, который в дальнейшем руководил братьями Путиловыми, из которых схиархимандрит Моисей был великим Оптиным настоятелем. Тот же Филарет руководит в Москве четой Киреевских – сотрудников старца Макария Оптинского по изданию святоотеческой литературы.

В центральном округе: главные пункты его Москва, Владимирская и Калужская епархии и Брянский монастырь Орловской епархии, Рославльские леса. Наиболее выда-

ющейся здесь личностью является о. Клеопа, настоятель Введенской пустыни Владимирской епархии. Учениками о. Клеопы были архимандрит Феофан, друг его архимандрит Игнатий, полагавший с ним начало в Санаксарской обители. Архимандрит Игнатий был после о. Клеопы строителем Введенской пустыни, позднее Пешношской, и в 1788 году он возобновляет Тихвинский монастырь в Новгородской епархии. Кончает жизнь он свою в 1796 году в Симоновом монастыре, будучи также его возобновителем. Другой ученик старца Клеопы Макарий Пешношский, заместитель Игнатия после его перевода в Тихвин. Его монастырь был питомником, откуда было взято 24 настоятеля в разные монастыри, и между прочим, оттуда взят был Авраамий, воссоздатель Оптиной пустыни. Другим важным пунктом, откуда развилось Паисиевское движение, была Москва, и в ней Симонов и Новоспасский монастыри. В первом подвизались ученики Паисия монахи Павел и Арсений. Настоятелем был, как уже упоминалось, архимандрит Игнатий. В Новоспасском монастыре жили иеромонахи Филарет и Александр, ученики Паисиева ученика Афанасия (Захаров), который жил при старце Паисии более семи лет и принял от него монашеский образ. В 1777 году о. Афанасий вернулся в Россию и жил во Флорищевой пустыни, откуда ездил в Москву, где и общался с иеромонахами Филаретом и Александром. Другим важным местом, где переплетаются духовные нити, шедшие от старца Паисия, был Брянский Свенский монастырь. Там подвизался схимонах Афанасий из сенатских секретарей (тот самый, который доставил митрополиту Гавриилу "Добротолюбие"). Схимонах Афанасий руководил братьями Путиловыми (настоятель оптинский Моисей), а иеромонах Афанасий (Захаров) руководил в бытность в Площанской пустыни будущим старцем Оптинским Макарием. От первого о. Афанасия в Свенском монастыре имел возможность узнать о духовном делании и настоятель монастыря, впоследствии ректор Московской Духовной Академии, Калужский епископ и Киевский митрополит, покровитель монашества и старчества знаменитый Филарет, который был создателем оптинского скита в 1822 году. Он убедил подвижников, живших в Рославльских лесах, основать скит при Оптинской пустыни. Таким образом прибыли в Оптину пустынь о. Моисей с братом своим Антонием и пустынноики Иларион и Савватий. Оптина явилась как бы чашей, куда

сливалось все драгоценное духовное вино.

В третьем, южном центре из непосредственных учеников старца Паисия известны монах Герасим, постриженник старца Паисия, иеросхимонах Ливерий и другие. Учеником о. Ливерия и одновременно архимандрита Феодосия, пришедшего из Молдавии в Софрониеву пустынь, был знаменитый подвижник Глинской пустыни Филарет. От него идет Глинская линия старчества.

Такова схема: север, центр и юг. Но главным, откуда шло распространение Паисиева движения, был север: Александр-Невская Лавра в Петербурге, где пребывал великий митрополит Гавриил, который планировал, насаждал, укреплял и возвращал свой духовный сад, принесший столь блистательные плоды.

Митрополит Гавриил родился в Москве 18 мая 1730 года. Обучался в Московской Славяно-греко-латинской академии. Кончил курс в 1750 году. В следующем поступил справщиком в Московскую Синодальную типографскую контору. В 1758 году принял монашество и назначен учителем в Лаврскую семинарию. Затем последовательно проходил должности: ректора этой семинарии, наместника Лавры и ректора Славяно-греко-латинской академии. В 1763 году назначен на Тверскую кафедру. 1 января 1775 года его ведению была подчинена и Новгородская епархия. В 1783 году ему дан был титул митрополита. 19 декабря 1800 г. уволен на покой по болезни. Скончался 26 января 1801 г. в Новгороде.

Личность митрополита Гавриила носила, в силу обстоятельств, двойственный характер. Он для внешних был пышный сановник екатерининского времени. Но в своей келейной жизни этот вельможа и ученый муж является смиренным подвижником. Он твердо вел свою линию: создал, возрождал и обновлял церковную жизнь. Кроме внешней деятельности, митрополит трудился еще как проповедник и церковный писатель. В своих проповедях он действовал на разум слушателей. Он был плодотворным писателем, и труды его имели большое значение. Но главным детищем митрополита Гавриила было монашество, на восстановление которого он и положил все свои силы. Митрополит Гавриил явился центральной фигурой в эту эпоху возрождения. Расцвет монашества обязан ему в большой степени. Его келейник, архимандрит Феофан метко о нем выразился: "Монашество, даром что все по

школам учился, знает лучше нашего." Преосвященный Гавриил был муж добродетельный, премудрый, богослов и философ, а более всего – угоден Господу Богу. Это был святой подвижник и аскет. Архимандрит Феофан имел близкие отношения ко всем многочисленным подвижникам своей эпохи, поэтому митрополит Гавриил, человек книжный и не имевший случая путешествовать и общаться с разнообразными людьми, очень ценил своего келейника в этом отношении и пользовался его связями с миром истинных подвижников. При воссоздании обителей о. Феофан оказывал неоценимые услуги всему русскому монашеству, указывая в соответствующее место опытных настоятелей, лично ему известных. Таким образом все тайные рабы Божии, укрывавшиеся по глухим захолустьям, были выдвинуты вперед и поставлены на свещнице "да светят всем в доме".

Впервые по совету архимандрита Феодана был произведен в архимандрита Тихвинского монастыря неученый о. Игнатий, и с того времени началось производство в архимандриты неученых.

Другой выдающейся личностью, выдвинутой архимандритом Феоданом, был игумен Назарий – Саровский подвижник. Митрополит Гавриил поручил ему восстановление Валаамской обители. Отец Назарий строжайшим образом соблюдал устав. Чтение священное было пищею его души. Его мысль настолько была проникнута Божественным, что для мирских он не знал и слов, как говорить о них. Когда же говорил он о Боге, то слушатели забывали время. По воле митрополита Гавриила о. Назарий ввел на Валааме общежительный устав Саровской пустыни и установил три рода жизни: общежительный, скитский и пустынный. Слава о Валааме стала расходиться по православному миру, даже приходившие туда афонские иноки смотрели на него с удивлением, говоря, что по внутреннему устройству он выше афонских монастырей.

В Тамбовском и Нижегородском краю образовалось под руководством о. Назария много женских общежитий. Имея дар прозорливости, о. Назарий видел обнаженными человеческие мысли и грехи. Делатель умной молитвы, так писал о ней старец: "Помолимся духом, помолимся и умом. Взойдите-ка в слова апостола Павла хочу решить лучше пять слов умом, нежели тысячу языком" (1 Кор. 14,19). Изобразить не могу, сколь мы счастливы, что сии пять

слов удостоились говорить. Что за радость! 'Господи Иисусе Христе, помилуй меня грешного'. Вообразите-ка: Господи, кого я называю. Создателя, Творца всего, Кого все силы небесные трепещут. Ум и сердце собрать воедино, глаза закрыть, мысленные очи возвести к Господу. О, сладчайший и дражайший Господи Иисусе Христе, Сыне Божий!"

Настоятель Введенской пустыни о. Клеопа получил воспитание иноческое на Афоне, упражняясь в умной молитве и в духовном делании вместе с великим старцем Паисием Величковским. О. Клеопа учил: "Одинаково нельзя вести всех, иных грубая пища может привести в изнеможение. Одни пришли из бедности, от трудов на покой, другие от богатства, от нежного воспитания, для последних и то за велико вменится, что они оставили богатство. А брашно и питье не поставит нас перед Богом".

Преподобный Серафим Саровский (1759-1833) был самым ярким и самым современным представителем вновь возрожденной подвижнической школы внутреннего делания. Преподобный Серафим - это живое откровение того совершенства, к которому может придти земнородный.

Ключ живой воды, который сохранился в глубине монашества с древних времен и почти уже совсем иссякавший, в преподобном Серафиме сливается с вешними водами возрожденного Паисием Величковским учения святых отцов о внутреннем делании и обращается в его лице в такой мощный и сильный поток, который поражает и до наших дней своим величием и державностью весь духовный мир.

В опыте преп. Серафима обновляется истинная традиция взыскания Духа: истинная цель жизни нашей христианской состоит в "стяжании Духа Святаго Божия". Все другое должно быть только средством. Под елеем, которого не доставало у юродивых дев Евангельской притчи, преп. Серафим подразумевает не добрые дела, но именно благодать Святаго Духа. Творя добродели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в этом-то и дело лишь христианское, а до того, что получена ли была ими благодать Духа Божия, достойны ли они ее, им и дела не было. Дух подается, но и взыскуется. Требуется подвиг стяжания.

Введенская Оптиная пустынь явилась лучшим представителем духовного возрождения в России. Это был чудный духовный оазис, где повторялись благодат-

ные дары первых веков монашества. Они, эти дары, получили полное выражение в особом служении - старчестве.

Представляя собой прямое продолжение пророческого служения, старчество с этим именем и в этой форме появляется лишь в IV веке, вместе с возникновением монашества, как руководящее в нем начало.

Пророческое служение - особый благодатный дар, дар Духа Святаго. Пророки обладают особым духовным зрением прозорливостью. Для него как бы раздвигаются границы пространства и времени, своим духовным взором он видит не только совершающиеся события, но и грядущие, видит их духовный смысл, видит душу человека, его прошлое и будущее.

Благодатное старчество есть одно из высочайших проявлений духовной жизни Церкви, это ее цвет, это венец духовных подвигов, плод безмолвия и Богосозерцания. Влияние старчества далеко распространялось за пределами стен монастыря. Старцы духовно окормляли не только иноков, но и мирян. Обладая даром прозорливости, они всех "назидали, увещевали и утешали" (1 Кор. 14, 1, 3), исцеляли от болезней душевных и телесных, предостерегали от опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию. Старчество есть духовный дар, который апостол Павел называет "даром рассуждения". Оно выражается в духовном руководстве по пути спасения и требует от носителей того дара любвеобильного попечения о вверившихся ему душах.

С самого своего возникновения монашество ставило себе целью достижение бесстрастия. На пути к бесстрастию должен быть руководитель, учитель-старец, сам прошедший эту школу и достигший уже бесстрастия. "Кто сподобился быть в сем устроении (т. е. в бесстрастии), тот еще здесь, облеченный брэнною плотью, бывает храмом Живаго Бога, Который руководит и наставляет его во всех словах, делах и помыслах, и он по причине внутреннего просвещения, познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас" (еп. Феофан Вышенский).

Истинное старчество есть особое благодатное дарование - харизма - непосредственное водительство Духом Святым, особый вид святости.

Итак, благодатный старец, личным опытом прошедший школу трезвения и умно-сердечной молитвы и изучивший, благодаря этому, в совершенстве духовно-

психические законы, а лично достигший бесстрастия, отныне становится способным руководить новоначальным иноком в его "невидимой брани" на пути к бесстрастию. "Сущность старческого устроения заключается в том, что из среды подвижающейся братии, в скиту или в общежитии, избирается один опытный в духовно-аскетической жизни заведомо благочестивый инок руководителем, духовным отцом, старцем. Добровольные ученики идут во всякое время к избранному старцу, раскрывают перед ним всю свою душу, открывают помыслы, поступки, желания, спрашивают советов и по его благословению решительно все делают. Духовные чада отказываются от своей воли, мыслей и разумений, все это беспрекословно, без размышлений повинуюсь ему" (Е. Поселянин. Письма о монашестве, с. 8).

Особенность старческого устроения сравнительно с другими видами монашеского жительства заключается именно в строгом и полном применении обета послушания по отношению к руководителю-старцу. "Оставь свои хотения и разумения, чтобы сотворить Божеские хотения и разумения вот духовное значение старческого устроения". Старец становится для учеников умом, совестью и сердцем.

"Вся сила старческого руководства заключается в завете между старцем и учеником, по которому перед лицом Бога духовный отец-старец берет на себя дело руководства души ко спасению, а ученик без-боязненно всего себя с душой и телом передает наставнику" (А. Соловьев. "Старчество по учению св. отцев и аскетов" с. 53).

Ни одна обитель не прославилась своими старцами так, как Оптиная пустынь. Действительно, оптинские старцы отличались высшим из всех даров даром рассудительности. Как в апостольские времена это творили пророки, так и теперь старцы утешали страждущих, возвещали по воле Божией будущее.

Старчество в Оптиной пустыни берет начало от схиархимандрита Паисия Величковского. Он сделал такую широкую постановку старчества, какой не имело оно ни в одном монастыре в XVIII веке ни в русском, ни в Афонском. В первой половине XVIII века старчество было забыто в русских монастырях. Келия схиархимандрита Паисия не затворялась до 9 часов вечера, каждый имел свободный доступ к нему. "Одни приходили за телесными нуждами, другие же за душевными", кроме непо-

средственного исповедания помыслов братией, каждый еще старейший инок, которому был поручен послушник, извещал его о духовном сыне, "его же не можаше сам умиротворить". Старец Паисий давал ему свои советы. Таким образом, Паисий Величковский имел возможность руководить и руководил всею братией подведомственных ему монастырей.

Из Рославльских лесов в Оптину переселились его последователи во главе с иеросхимонахом Львом. Старец Лев, могучий и властный, открывает ряд старцев. Его ученик и сотаинник о. Макарий возглавляет группу ученых и литераторов

Старец Иеросхимонах Лев

монахов и мирских лиц, которые обрабатывают и перекладывают на литературный язык переводы, сделанные старцем о. Паисием, с греческого языка писаний величайших аскетов древности как Исаак Сирин, Макарий Великий, Иоанн Лествичник.

При старце о. Амвросия, ученике о. Льва и о. Макария, Оптина достигает расцвета. Слава о Старце гремит по всей России.

Следующие старцы: о. Анатолий (Зерцалов), ученик старца Амвросия, Иосиф, старец Варсонофий, в миру полковник генерального штаба, по благодатной одаренности подобны своим учителям. Последние

старцы: Феодосий-мудрец, Анатолий утешитель (Потапов), Нектарий и Никон продолжают ту же традицию.

Так с момента проникновения в Россию внутреннего духовного делания древних египетских пустынников Оптиная пустынь явилась главным средоточием этого подвига и связанного с ним старчества. Оп-

тина пустынь дала всему христианскому миру плеяду богомудрых старцев, которые почти целое столетие окормляли многие и многие тысячи людей, находивших у них поддержку и наставление.

(В следующем номере - Слово 4. Возрождение Оптиной пустыни).

Новомученики и исповедники Российские

Вениамин, Митрополит Петроградский.

Полоса "изъятия церковных ценностей" до Петрограда дошла довольно поздно: в середине марта 1922 года.

Главой Петроградской епархии в то время был Митрополит Вениамин. Избрание его из викарных епископов в митрополиты состоялось летом 1917 года при Временном Правительстве. Это был, кажется, первый случай применения демократического порядка избрания митрополита. Петроградское население огромным большинством (в том числе голосами почти всех рабочих) вотировало за владыку Вениамина. Оно давно его знало и было глубоко привязано к нему за его доброту, доступность и неизменно сердечное и отзывчивое отношение к своей пастве и к нуждам ее отдельных членов.

Митрополит Вениамин, уже будучи в этом сане, охотно отправлялся по зову для совершения молений и треб в самые отдаленные и бедные закоулки Петрограда. Рабочий, мастеровой люд зачастую приглашал его для совершения обряда крещения, и он радостно приходил в бедные кварталы, спускался в подвалы - в простой рясе, без всяких внешних признаков своего высокого сана. Приемная его была постоянно переполнена - главным образом простонародием. Иногда он до позднего вечера выслушивал обращающихся к нему, никого не отпуская без благостного совета, без теплого утешения, забывая о себе, о своем отдыхе, о пище...

Митрополит не был, как говорится, "блестящим оратором". Проповеди его были чрезвычайно просты, без всяких ораторских приемов, без нарочитой торжественности, но в то же время они были полны какой-то чарующей прелести. Именно незамысловатость и огромная искренность проповедей Митрополита делала их доступными для самых широких слоев населения, которое массами наполняло церковь, когда ожидалось служение Митрополита.

Даже среди иноверцев и инородцев Митрополит пользовался глубокими симпатиями. В этой части населения он имел немало близких личных друзей, которые, несмотря на разницу верований, преклонялись пред чистотой и кротостью его светлой души и шли к нему в минуту тяжкую за советом и духовным утешением.

Св. Новомученик Вениамин

Если в России в это мрачное время был человек абсолютно искренне "аполитичным", - то это был Митр. Вениамин. Это настраивание было в нем не вынужденным, не результатом какой-либо внутренней борьбы и душевных преодолений. Нет. Его евангельски простая и возвышенная душа

легко и естественно парила над всем временным и условным, над копошащимися где-то внизу политическими страстями и раздорами. Он был необыкновенно чуток к бедам, утеснениям и переживаниям своей паствы, помогая всем кому мог и как умел, – в случае надобности просил, хлопотал... Его благородный дух не видел в этом никакого унижения, ни несогласованности с его высоким саном. Но в то же время всякую "политику" он неумолимо отметал во всех своих действиях, начинаниях и беседах, даже интимных. Можно сказать, что этот элемент для него просто не существовал. Всякие политические стрелы просто скользили по нем, не вызывая никакой реакции. Казалось, что в этом отношении он был весь закован в сталь. Ни страха, ни расчета здесь никакого не было (это доказало будущее). Митрополит лишь осуществлял на деле то, что в отношении выполнимости, кажется (может быть с большим основанием) почти неразрешимым вопросом: евангельское исключение из религиозной жизни всякой политики; т.е. в данном случае, вопросом об отношении к советской власти, к ее представителям и т.п. С известной точки зрения может быть это был недостаток, отврат от жизни, но таков факт, и тут ничего не поделаешь. Из духовного облика Митрополита нельзя выбросить эту черту, тем более, что она очень характерна для его в высшей степени цельной и монолитной психики.

Таков был тот, на долю которого выпало, в качестве главы Петроградской епархии, столкнуться с подступавшей все ближе волной изъятия церковных ценностей, уже помутневшей от пролитой крови...

Нетрудно было предугадать, зная характер и душу Митрополита, как отнесется он к изъятию. В этом вопросе для него не существовало колебаний ни на одну минуту. Самое главное – спасение гибнувших братьев. Если можно хоть немногих, хоть единую душу живую исторгнуть из объятий голодной смерти, – все жертвы оправдываются.

Митрополит, с его детской простотой веры, был большим любителем церковного благолепия. Для него, как для самого примитивного верующего, священные предметы были окружены мистическим нимбом, но дальше он не шел. Силою своего проникновенного духа он отбрасывал в сторону все эти настроения и чувствования, в его глазах совершенно невесомые сравнительно с предстоящей задачей спасения людских масс. В этом отношении он шел дальше

Патриарха, не встречая никаких препятствий к отдаче даже освященных сосудов и т.п. – лишь бы исполнить свой христианский и человеческий долг до самого конца.

Но, наряду с этим, ему представлялось необходимым всячески стремиться к тому, чтобы отдача церковного имущества носила, именно, характер вполне добровольной выдачи "пожертвования". Ему, несомненно, претила самая процедура изъятий, которой предстояло иметь вид какого-то сухого, казенного, принудительного акта, – отдачи нехотя, из-под палки, под давлением страха и угроз. Прежде всего, по мысли его, тут было бы явное противоречие истине и справедливости. Он был заранее уверен или, по крайней мере питал надежду, что население горячо и единодушно отзовется на его призыв, что оно пожертвует во славу Божию и во имя долга христианского с радостью все, что только можно. Для чего же прибегать, хотя бы только внешним образом, к насилию, – ненужному и оскорбительному для населения – в творимом им святом деле.

Другая, вызываемая давлением обстоятельств, необходимая предпосылка к пожертвованию церковных ценностей, должна была, по его мнению, заключаться в народном контроле над расходованием всего пожертвованного. В основе всех происшедших до петроградских изъятий бунтов было нежелание спасти какой бы то ни было ценой погибающих от голода людей – но глубокое недоверие к ненавистой власти. Население заранее было убеждено, что, вторгаясь грубейшим образом в сферу интимнейших чувств верующих, отнимая у них то, что украшало храмы и богослужения, – большевики в то же время ни единого гроша из отнятого не передадут по объявленному назначению. Удивляться такому, хотя бы и утрированному, недоверию – не приходится. Власть его вполне заслужила.

На этой почве могли возникнуть протесты и эксцессы и в Петрограде, а следовательно, и неизбежные кровавые расправы. Предвидя это Митрополит считал весьма целесообразным введение в контроль представителей от верующих.

Существовало, кроме того, для Митрополита еще одно препятствие к исполнению требований власти (в той резкой форме, в какой они предъявлялись), – препятствие, которое, при известной постановке дела, для него было непреодолимым. Благословить насильственное изъятие церковных предметов он не мог, ибо считал та-

кое насилие кошуном. Если бы власть настаивала на принудительном характере изъятия, то ему оставалось бы лишь отойти в сторону, не скрывая своих воззрений, как православного иерарха, на насилие в данном случае. Это вряд ли содействовало умиротворению умов, как бы в то же время Митрополит ни настаивал на необходимости пассивного, спокойного отношения к распоряжениям власти (а он это неоднократно говорил, проповедывал и циркулярно сообщал подчиненным ему лицам).

Впрочем, даже благословение Митрополитом насильственного изъятия не изменило бы положения: в результате получилась бы только потеря Митрополитом всего своего духовного авторитета и, следовательно, предоставление полного произвола стихийному негодованию верующих масс...

Иное дело - благословить пожертвование. Делая это, он только исполнил бы свой прямой пастырский долг.

Суть тут не в "формальных нюансах". Большая разница была по существу. При согласии власти на "пожертвование" и на "контроль", - отпадало основание к недоверию со стороны масс, и на первый план выступало возвышенное стремление помочь голодающим. Тогда народ радостно (как предполагал Митрополит) отзовется на призыв своего духовного водителя, тогда его пастырский голос будет действительно авторитетным, и все совершится мирно и благополучно.

Все это было, конечно, не столько "требованиями" или "условиями" (Митрополит отлично понимал, что ни о какой борьбе и речи быть не может), - сколько пожеланиями, в осуществимость которых он верил, - тем более, что считал это выгодным и для власти, которая, как представлялось его не искушенному политикой уму, должна была стремиться к безболезненному проведению изъятия. Ведь что изъятие, что пожертвования, рассуждал он, по существу - одно и то же. Власть получит все то, что ей нужно. А между тем, от того или иного внешнего подхода к этому вопросу зависило мирное или кровавое разрешение такового.

Несомненно, что ко всему указанному выше у Митрополита примешивались еще мечты, свойственные его идеалистическому настроению. Суровая действительность не мешала ему грезить о предстоящем чудном зрелище. Ему представлялся всенародный жертвенный подвиг во всей его неопикуемой внешней и внутренней красоте;

ярко освещенные храмы, переполненные молящимися, огромный общий душевный подъем; трогательное умиление на всех лицах в сознании величия совершаемого... Церковь, в лице верных детей своих, предводимая духовенством, радостно отдающая все для спасения братьев, приемлющая с готовностью внешнюю нищету ради духовного обогащения... В результате - не одоление Церкви, а наоборот, неожиданная ее победа... Если такие мечтания представляли тоже своего рода "политику", то надо признать такую, которая, конечно, ничего общего с политикой земной не имела.

Все эти прекрасные грезы были, увы, безжалостно и вскоре растоптаны грядущими событиями.

II.

Петроградский Совет, повидимому, недостаточно был посвящен в глубокие политические расчеты московского центра. Петроградская власть искренне считала, что единственная цель декретов об изъятии - это получение в свое распоряжение церковных ценностей. Поэтому Петроградский Совет, вначале, в этом вопросе держался примирительной политики. Он находил нужным, не отступая, по существу, от декретов, стараться провести их в жизнь по возможности в форме, не вызывающей осложнений. Совет учитывал известное ему настроение масс. Опасаясь эксцессов, он, казалось, льстил себя надеждой отличиться мирным выполнением декретов и, ради этого, готов был пойти на некоторый компромисс.

Члены комиссии Помгола (помощи голодающим) при Петроградском Совете начали "кампанию по изъятию" с неоднократных визитов в Правление Общества Православных Приходов. Придавая этому учреждению большое значение (весьма преувеличенное) в смысле влияния на верующие массы, члены Помгола стремились, сообщая с Правлением, выработать такой порядок отдачи ценностей, который был бы наиболее приемлемым для этих масс. Со своей стороны Правление, оказавшееся неожиданно для самого себя, в роли посредника между населением и властью, проявило весьма большую уступчивость. Оно еще более, чем члены Помгола, боялось стихийных беспорядков и кровавых осложнений. Смягчить, насколько удастся, формы изъятия, не затрагивать, по возможности, религиозных чувств населения - к этому сводились, в сущности, все пожела-

ния Правления, и в этом отношении, вначале, оно встретило известный отклик в среде Помгола. Митрополит находился в курсе переговоров.

Наконец, 5 марта 1922 года, Митрополит получил официальное приглашение пожаловать на завтра в Помгол для участия в выработке порядка исполнения декретов о церковных ценностях. 6 марта Митрополит явился в Смольный в сопровождении нескольких лиц (в числе которых находился бывший присяж. поверенный и юрист-консульт Лавры - Иван Михайлович Ковшагов, впоследствии убитый вместе с Митрополитом). Владыка представил комиссии Помгола собственноручно им написанное и подписанное заявление. В этой бумаге, изложенной в весьма корректном тоне, указывалось на то: а) что Церковь готова пожертвовать для спасения голодающих все свое достояние; б) что для успокоения верующих необходимо, однако, чтобы они сознавали жертвенный, добровольный характер этого акта; в) что для той же цели нужно, чтобы в контроле над расходованием церковных ценностей участвовали представители от верующих.

В конце своего заявления Владыка указывал, что если паче чаяния изъятие будет носить насильственный характер, то он благословить на это свою паству не может. Наоборот, по пастырскому своему долгу, он должен будет судить всякое активное содействие к такому изъятию. При этом Митрополит ссылается на тут же процитированные им каноны.

Митрополит встретил в Помголе, как это удостоверяется и в обвинительном акте, самый благожелательный прием. Выставленные им предложения даже не обсуждались детально, до такой степени они казались явно приемлемыми. Общее настроение было настолько светлым, что Митрополит встал, благословил всех и со слезами сказал, что если так, то он собственными руками снимет ризу с образа Казанской Богоматери и отдаст ее на голодающих братьев.

На другой и на третий день в разных газетах (в том числе в московских "Известиях") появились сообщения о состоявшемся соглашении. Газетные заметки были составлены в тоне, благоприятном для Митрополита и вообще для Петроградского духовенства, которое, дескать, обнаружило искреннее желание выполнить свой гражданский долг и т.д.

Но, увы, вся эта иллюзия соглашения оказалась весьма быстротечной. Москов-

ский центр, повидимому, остался недоволен Петроградским Советом, не уразумевшим истинных целей похода "пролетариата" на церковные ценности. Перспектива изъятия по добровольному соглашению с духовенством, пожалуй, увеличила бы престиж последнего, что вовсе не улыбалось московским политикам. Не соглашение, а раскол, не примирение, а война. Таков был лозунг, о котором не догадался недалековидный петроградский Помгол.

Надо думать, что петроградскому совету было сделано соответствующее разъяснение или внушение, и когда уполномоченные Митрополита явились, как было условлено, через несколько дней в Помгол, чтобы поговорить о некоторых деталях соглашения, то они встретили уже другое настроение и даже других представителей Помгола. Посланцам Митрополита было весьма сухо объявлено, что ни о каких "пожертвованиях", ни о каком участии представителей верующих в контроле - не может быть и речи. Церковные ценности будут изъяты в формальном порядке. Остается условиться лишь о дне и часе, когда духовенство должно будет сдать власти "принадлежащее государству" имущество. Представители Митрополита заявили, что они не уполномочены на этой почве вести переговоры, и удалились.

Легко понять, как глубоко был потрясен Митрополит докладом своих представителей. Было ясно, что все его планы и надежды рушились. Однако, он не мог так легко расстаться с тем, что уже считал достигнутым. Он отправил в Помгол вторичное письменное заявление, в котором ссылался на состоявшееся уже соглашение и вновь перечислял свои предложения, настаивая на них и указывая, что вне этого порядка действий он не видит возможности не только способствовать умиротворению масс, но даже благословить верующих на какое-либо содействие изъятию. На это заявление никакого ответа не последовало. Всякие переговоры были прекращены. Чувствовалось приближение какой-то грозы. Между тем, кое-где в Петрограде уже начались описи и изъятия, - по преимуществу в небольших церквях. Особо острых столкновений, однако, не было. Вокруг церквей собирались, обыкновенно, толпы народа, они негодовали, роптали, кричали по адресу членов советских комиссий и "изменников"-священников бранные слова; изредка имели место оскорбления действием, наносили побои агентам милиции, бросали камнями в членов комиссии,

но все-таки ничего особого серьезного не случилось. Самые "возмущения" не выходили за пределы обычных нарушений общественной тишины и порядка, которые в прежнее время были бы подсудны мировому суду. В данном случае власти тоже, повидимому, не думали пока о муссировании этих событий. Составлялись протоколы, которые направлялись "по подсуднос-

ти" в народные суды; этим ограничивалось.

Но в ближайшие дни предстояло изъятие ценностей из главнейших храмов. Многое заставляло думать, что тут не обойдется так благополучно. Власти подготовляли какие-то особые меры. Население глухо волновалось.

(Продолжение следует)

О горбачевской "перестройке" как продолжении ленинской революции

Ниже мы помещаем размышления молодого москвича, посвятившего себя служению Церкви - Ред.

Известный политический деятель Уинстон Черчилль так писал о России времен I Мировой войны¹: "Силу Российской Империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способной." Но продолжает тот же автор: "Держа победу уже в руках, она пала на землю живо, как древле Ирод, пожираемая червями".

Что же позволило темным силам овладеть нашей родиной, страной именовавшейся некогда Св. Русью, Домом Пресвятой Богородицы, Православным Царством (т. е. таким Царством, где царствовал Христос)? Почему Господь нас ради Сына Своего не пощадивший, отдавший Его на поругания и крестные муки, устрояющий от века и ежесекундную все "нашего ради спасения" (каждого в отдельности и всех вместе), не счел нужным сохранять величайшую Православную Империю, с воцерковленным, имеющим 1000-летнюю историю и культуру, народом, с десятками тысяч церквей и священнослужителей, монахов и монахинь, сотнями монастырей и семинарий, - страну, которая была опорой всего восточного христианства?

Не бедные религиозно-философскими талантами, богатые праведными душами два последние столетия дали ясный и убедительный ответ на поставленный вопрос. Нам остается только вкратце повторить его, напомнить.

Итак, что есть подлинно доброе и что злое в человеческой жизни?

В евангельской притче о праведном Лазаре и безымянном богаче Авраам так го-

ворит последнему: "Чад! Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое..." Но действительно ли то доброе было добрым и то злое, что получил Лазарь было злым, а не следствием только зла-греха, если далее Авраам продолжает: "...ныне же он (Лазарь) здесь утешается, а ты страдаешь" (Лк. 16, 25)?

Одержимые революционно-бунтарским безумием силы намеренно "забывали" об источнике всякого истинного добра - Боге. Они руководствовались не любовью к ближнему, которая невозможна без Бога, и не любовью к России, которой у них не было, и на которую они сами вовсе не претендовали, а стремлением поправить и перевернуть самые понятия о добре и зле, доказать возможность существования без Бога и создать "рай на земле", какое-то неевангельское, "Царствие Божие" не то, которое "внутри вас есть" (Лк. 17, 21). А так как самые злобные из этих сил всегда догадывались, что всякое царство является царством в ту меру, в которую оно является Царством Христовым (Царь есть тот, кто способен умереть за своих подданных - св. Иоанн Златоуст), то они понимали, что строяемое ими во имя перевернутых понятий добра и зла царство будет антицарством с заведомо разрушительными только задачами.

Далеко не все в России позволили подобным идеям овладеть собой. Не все были бунтарями и разрушителями. Но кто остановил этих бунтарей, схватил их за руку, запретил им бесчинствовать? "Настало время, - говорит св. прав. Иоанн Кронштадтский в 1907 г., - что люди стали стыдиться не греха и беззакония, а - правды и Того, Кто вечно царствует правдою - Христа Икупителя, Законодателя и Судию праведного." "Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению." Отчего же? "Оттого, - продолжает о. Иоанн, -

что оно сошло с твердой и непоколебимой основы истинной веры, и в большинстве интеллигенции отпало от Бога, Который Один есть непоколебимая во веки вечная держава, Койм твердо держатся в дивной гармонии небо и земля - столько веков."

Это уклонение от полноты и чистоты Православия, любви к Богу и правде Его, совершившееся в результате длительного процесса душевного обленения русского народа, оказалось в глазах Божиих менее угодным (т. е. менее спасительным для нас, ибо сейчас не время суда и воздаяния, а время свободы и выбора при самом нежнейшем и любящем о нас со стороны Бога попечении) чем предание России "сатане во измождение плоти, да дух спасен будет в день Господа нашего Иисуса Христа" (1 Кор. 5,5).

В результате подобного поворота событий русские люди принесли Богу как положительные так и отрицательные плоды. Каковы же они?

Огромны положительные плоды. Если за всю историю Церкви насчитывается около 360 тысяч христианских мучеников, то за несколько десятилетий советской власти их было от 12 до 20 миллионов (20% от 60-100 млн. всех замученных и убиенных)³. Уже одни эти цифры раскрывают перед церковным сознанием незаурядность происшедших в России событий для Церкви Вселенской, всего мира и конечно для Русской Церкви - Катакомбной и Зарубежной.

Последняя, будучи надеждой и ориентиром для верующих в России, неся миссионерский подвиг среди инославных народов на всех пяти континентах, являет собой еще одно сильнейшее свидетельство промыслительности путей Божиих.

Отказавшаяся от мучеников Соборной Русской Церкви и устами своих иерархов неоднократно хулившая их⁴ Московская патриархия не является, к сожалению, причастницей положительных плодов многострадальной св. Руси. Но именно поэтому ей в советской "перестройке" отведено свое определенное место. Московская Патриархия - большой вопрос для всей Русской Церкви.

Чтобы яснее сформулировать свое отношение к Московской патриархии как к "советской церкви", процитируем доклад проф. Ив. Андреева, прочитанный им перед Архиерейским Собором РПЦЗ в 1950 г.⁵: "По имеющимся сведениям из несомненно чистого источника, наиболее тяжким испытаниям 'тайная', 'пустынная', 'катакомбная'

как ее различно называют, Церковь в Советской России подверглась после 4 февраля 1945 г., т. е. после дня интронизации Советского Патриарха Алексия, когда все духовенство находившееся в лагерях прошло специальную регистрацию, во время которой всех спрашивали: признают ли они нового Патриарха Алексия. Непризнававшие получали новые сроки наказания, а иногда и расстреливались. Признававшие же и дававшие об этом особую подписку часто досрочно освобождались и получали назначения". Далее: "Граждан Советской России, которые прежде ходили в церковь, а затем перестали ходить иногда вызывали в М.Г.Б. (бывш. ГПУ) и спрашивали - почему они перестали ходить в церковь. При этом требовалось выбрать одно из двух: или начать ходить в советскую церковь или написать и напечатать письмо в редакцию советской газеты с отречением от всякой религии как "опиума народа". (Таким образом посещение "советской церкви" было эквивалентом отречения от Христа)" (Курсив мой - П. М.)

Вопрос о "советской церкви" ждет еще своего окончательного церковного и богословского разрешения, но суть его сводится видимо к тому, что это вопрос в первую очередь не канонический, а догматический.⁶ Надоедно видеть, что Московская Патриархия по существу подрывает Православное учение о Церкви Христовой как о едином, свободном Богочеловеческом организме, в котором осуществляется вся возможная полнота соединения с Богом как всего церковного общества так и каждого его члена в отдельности (причем одно существеннейшим образом зависит от другого!). Однако такое соединение немыслимо, если церковное общество или его член сознательно делают себя несвободными, лишают себя открытости Богу, внутренней честности перед Ним и людьми. Происходит же это в случае Московской патриархии как следствие поправления своей совести союзом с безбожной властью. Данная болезнь, которую называют также "сергианством" (по имени митр. Сергия Страгородского), есть болезнь не только иерархии или части духовенства, но всей Московской патриархии, т. к. повторяем, Церковь - единый организм, мы "друг другу удельсьмы" (Еф. 4, 25). Поэтому каждый член Церкви отвечает за все, что в ней происходит подобно тому (хотя и в меньшей, видимо, степени), как каждый человек отвечает перед Богом за все происходящее на земле, в человечестве.

О "советской церкви" важно сказать. Ведь часто говорится о некоем потеплении в отношениях между Церковью и государством в рамках процесса "всеобъемлющего духовного обновления". Надо, однако, ясно отдавать себе отчет в том, насколько Московская патриархия целенаправленно узурпирует имя Русской Православной Церкви, не являясь таковой. Ее верхушка и значительная доля духовенства является частью чекистско-патриархального организма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Заложенное митр. Сергием (Страгородским) в 1927 г. это положение было развито в сталинское и послесталинское время вплоть до наших дней действием "Совета по делам религии" и прочих советских органов.

Теперь, продолжая разговор об отрицательных духовных плодах, принесенных нами Богу за последние десятилетия, можно вновь обратиться к основному вопросу, которому посвящена настоящая статья.

В какой мере реалистичным и "самоисповедальным" является заявление Горбачева о том, что его "перестройка" есть продолжение ленинской революции? О духовной сути ленинской революции уже сказано: это - открытое богоборчество немногих при попустительстве остальных, оставивших живую любовь к Богу и правде Его ради любви к миру и из собственной лени.

С какими же откровениями пришел к власти новоявленный продолжатель ленинских идей и как к ним отнеслось общество? Откровения сводятся к тому, что нам очень плохо, что страна на грани экономической катастрофы, и не только экономической, но и нравственной: пьянство, разврат, наркомания, преступность, загубленная природа, воровство, коррупция... Вот о чем говорит Горбачев. И мы принимаем это. Еще бы! "Мяса нет, мыло кончается, водка втридорого, начальство утопает в привилегиях. Кто виноват, что у нас нет колбасы? Виновных ответу!" - откликается наше общество. И дальше: "Давайте изменимся, перестроимся, в чем-то покажемся..." (Перед кем? Христиане каются перед Богом и народом Божиим, а современные властители с Горбачевым во главе?) "Давайте признаем наши неправды" (а чаще это уже: смотрите, мы признаем наши неправды, какие мы, значит, хорошие!) Главная же цель всего стремления: пусть нам станет легче жить и дышать! - Так вторим мы Горбачеву. Мы... А кто мы такие?

360 тысяч римских мучеников обратили ко Христу все человечество тогдашнее явно и поледующее неявно. Кого обратили 20 миллионов Новомучеников и Исповедников Российских? В Житиях мы читаем про обратившихся ко Христу римских палачей-мучителей. А у нас? Где обратившиеся палачи, принявшие Крещение в собственной крови? Есть: Кирилл Атаев и Алексей Иконников. А еще? Умученных и загубленных 60-100 миллионов! Сколько же их было - палачей? Каждого надо было расстрелять, запытать, заморить голодом, закопать живьем (да и мертвого тоже надо было куда-то девать), а до этого поймать, допросить, осудить, охранять...

Ленинско-сталинские палачи - это деды и отцы всех нас. Хрущевско-брежневско-горбачевские палачи лагерей и психушек, оккупанты Будапешта и Праги - им сейчас около 50-ти. Убийцы женщин, детей и стариков, насильники и бандиты, оккупанты Афганистана - это наши братья, внуки и сыновья, друзья и одноклассники, соседи и племянники - это мы с вами сегодня. Есть палачи явные. Но чисты ли мы от крови замученных, даже если ни разу не держали автомат в руках? Разве мы не держали, потому что сознательно не взяли, потому что отшвырнули? Или же потому, что нам не дали? А если бы дали? Взяли бы без зазрения совести? Или по убеждению? Из трусости, из безразличия? Потому что "так надо было"? Вот это "надо было" и есть явный плод победы над нами, именно *духовной победы* над нами в той битве, которая начинается с самого малого, казалось бы ничтожного, но кончается окровавленностью наших рук. Кто из нас, молодых, сможет утверждать, что попади в Афганистан, он нашел бы в себе мужество отказаться стрелять или хотя бы бежать в первые же дни, сорвав ненавистные погоны и не сделав ни единого выстрела?

Первые потери обычно на счету наших родителей, завтрашних "нас": забыли или не умели крестить и научить слову Божию, не уберегли от пионерского галстука и комсомольского билета. Собственные серьезные падения начинаются, как правило, с совершеннолетия. Обычно это - армия или институт. В первом случае хочется выжить, во втором - не попасть в армию и сделать карьеру.

Кроме страха и уже попанной совести, всю оставшуюся жизнь нашим уделом остаются искушения сытости и нищеты, различия между которыми в советских условиях не всегда уловимы, лишнего метра

жилплощади, пятерки, десятки в получку. И еще дети. Они наше будущее (настоящего у нас нет, про прошлое лучше молчать). А раньше люди не имели детей? Вспомним св. мученицу Софию, мать Веры, Надежды, Любви.

Бог нам Судья в нашем ведении и неведении, малых и больших падениях и компромиссах, и вот: кровью мучеников напитана земля, и кровь эта вопиет к небу. Сделаем ли мы вывод из этого? Или отведем глаза? Поймем ли, что делается с нами для отвода глаз?

Лживая суть горбачевской "перестройки" заключается пожалуй именно в том, что она не является покаянием перед Богом и народом Божиим в содеянных нами кровавых преступлениях. "Перестройка" чужда ужасания собой, болезненно-трагической жажды действительно внутренне измениться чего бы это ни стоило внешне. "Перестройка" не ищет Бога ради Бога, она лишь говорит нам о наших потерях: экономических, социальных и пусть даже моральных. И ради того, что *нам плохо*, "перестройка" предлагает изменить свой "стиль жизни или свое внутреннее чувство или свой опыт".

Надо сказать гениальность "перестройки" (пусть злая, бесовская, но именно - гениальность) в том, насколько ее вожди дерзают сдавать внешние позиции и при этом понимают, что на внутренние бастионы безбожия никто еще и не покушается.

Коммунисты напечатали кое-что из книг, разрешили гласность (социалистическую), пусть даже свободу слова и собраний, отменили 6-ую статью Конституции, но воспользовались ли этим мы для обращения к Богу? Мы продолжаем думать о себе.

Страшно и за себя и за других призывать и торопить пролитие на себя гнева Божия. Смирение и осознание своей немощи не делает покаяния ущербным. Но вряд ли помешает нам чуткость, делающая живой нашу память о Христе, Которому невозможно второй раз распяться за нас (Евр. 10, 26-27), и память о мучениках Его, которым больно видеть мерзость торжествующего нечестия, разлитую в мире не без нашего участия (ср. Откр. 6, 9-10).

Скажем прямо, что эта антидуховность горбачевской "перестройки", отторгнутость ее от Христа (антихристовость) объединяет ее с отъявленно богоборческой ленинской революцией. Более того, в этом она ее действительно продолжает, и даже развивает. Если ленинская революция в

общем-то насильно отняла у нас свободу за наше равнодушие к правде Христовой и истинной" свободе чад Божиих" (Рим. 8, 21), то горбачевская "перестройка" - это уже попытка, пользуясь нашей закостенелостью в том же равнодушии к живому Христу, выманить у нас еще и добровольное согласие на передачу нашей свободы в чьи-то "добрые руки", т. е. добровольное признание прикрытого личиной добродетели безбожного зла - добром.

Ложное понимание духовного обновления, с забвением о промыслительности путей Господних, делает нас эгоистичными и злобными. Отсюда обострение межнациональных отношений, бесплодная борьба партий и фронтов общественного мнения, бесчисленность религиозных и полурелигиозных мировоззренческих течений, вплоть до кошунственных, и бесконечное дробление. На отчаяние в результате этой нашей духовной бесплодности при сознательно ими поддерживаемой неразберихе и надеются коммунисты.

"И веруеши ли Ему (Христу)?"

"Верую Ему яко Царю и Богу", - так отвечали при св. Крещении те из нас, которые сподобились этого таинства. Вера Христу невозможна без неверия Его врагам, без действительного отречения от дел и гордыни их. Не будем же судорожно миролюбивы и доверчивы, а возлюбим правду, возненавидим ложь, какого бы мужества и трезвения нам это ни стоило! И тогда - для укрепленных верою - ближе, но и, вместе с тем оптимистичнее зазвучит стихотворение М. Волошина, написанное 70 с лишним лет назад:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах; не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзи, расточи
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

1 Цит. по книге С. С. Ольденбург "Царствование Николая II"

2 Это не значит, что каждый был чудотворцем, но Богочеловеческая личность Христа была мерой всего в жизни русского человека, даже сознательно грешащего и сознающего себя явным грешником.

3 См. "Православная Русь" № 14 (1371) 15/28 июля 1988 г. с. 3 (Арх. Антоний Лос-Анджелосский).

4 См. например Митр. Питирим (Нечаев): "Тихон... призывал к свержению нового режима вооруженным путем" (Русская Мысль, 20.10.1989); или митр. Филарет (Вахромеев), Шпигель, 20. 6. 88 г.

5 О положении Православной Церкви в Советском Союзе. Катакомбная Церковь в СССР. The Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y. 1951.

6 См. напр. Прот. Михаил Польский, "Новые Мученики Российские", т. 2, с. 7-8. Письмо митр. Иосифа Петроградского: "Защитники Сергия говорят, что каноны позволяют отлагаться от епископа только за

ересь, осужденную Собором; против этого возражают, что деяния митр. Сергия достаточно подводят, и под это условие, если иметь в виду столь явное нарушение им свободы и достоинства Церкви, единой, святой, Соборной и Апостольской."

7 Протосингел Афанасий (Евтич). Покаяние, исповедь и пост: их значение для православного христианина. "Вестник Германской Епархии" РПЦЗ 1/1989. С поразительной глубиной и ясностью вскрывает о. Афанасий разницу между истинным покаянием (метанойя по-гречески) и раскаянием, перестройкой, переменной намерения (метамелля).

П. М.

Храмы нашей Епархии

Висбаден (Гессен-Нассау).

Из всех достопримечательностей г. Висбадена - некогда главного города Герцогства Нассауского, едва ли не первое место принадлежит православному русскому храму на Нероберге. Малая домовая церковь, существовавшая с 21-го марта 1844г. при Русской Миссии во Франкфурте на Майне, первым настоятелем которой был протоиерей И. И. Базаров (скончался в 1895 г. в Штутгарте и погребен на русском кладбище в Висбадене), соединена была по воле Государя Императора Александра II, согласно с желанием герцога Адольфа Нассауского, в мае 1855 г., с воздвигнутою герцогом на склоне Таунусских гор, близ Висбадена, с ныне существующим прекрасным храмом, который был сооружен во имя Св. Праведной Елизаветы над гробом благ. госуд. вел. княгини Елизаветы Михайловны, дочери великого князя Михаила Павловича, скончавшейся 16 января 1845 г. во цвете лет, первой супруги герцога Адольфа Нассауского, вел. герц. Люксембургского. Главными средствами для создания этого величественного памятника безвременно почившей послужило оставшееся после ее смерти приданное (до 1 миллиона рублей), которое по благочестивому желанию герцога и воле императора Николая Павловича употреблено было на это благое дело. Замечательно прежде всего самое положение Висбаденской церкви. По широкому шоссе или по тропинке, во всяком случае через густой лес, нужно подняться к северо-западу от города на один из уступов Таунусских гор, которыми почти со всех сторон окаймляется горизонт Висбаденский. Чудная панорама открывается отсюда глазам. Возвышенные равнины Гессенские, почти до Бингена, Вогезские горы, доходящие до французской границы, Бибрих, Майнц (вооруженным

взглядом видны и Вормс с Шпейером); ближе светлая полоска Рейна, виноградные холмы, богато обработанные поля. Еще ближе - часть Висбадена с готическими башнями протестантской церкви. Архитектура храма - византийская. Будто над темнозеленым пьедесталом ярко обрисовывается над лесным уступом горы почти белая масса мрамора; в основании храма греческий крест; колонны - с четырех главных сторон, арки, тройные окна, арабески; с западной и южной стороны - порталы и ряд ступеней у входов, с северной - небольшая ротонда; вверху пять символических "златоглавых" куполов и над всем этим высится знамение спасения мира... Все это вместе составляет изумительное гармоническое целое и производит какое-то благоговейно-торжественное и вместе кротко-радостное настроение. Архитектор Герман, соорудивший этот храм, ездил предварительно в Петербург и Москву для изучения русской церковной архитектуры. На царских вратах образ Благовещения, над ним Тайная вечеря, а когда они отверсты, на окне алтаря изображение на стекле воскресшего Спасителя. По сторонам, в трехъярусном иконостасе, особенно обращая на себя внимание иностранцев, редкие иконы, отделяющиеся одна от другой небольшими колоннами из каррарского мрамора, соединяясь вверху арками, образуют как бы ниши. Золоченное поле большей части икон еще более сближает их с произведениями скульптуры, не отнимая однако же у священных изображений того характера духовности, который гораздо более доступен живописи, нежели валянию, стоящему ниже ее среди искусств. Изображения ангелов занимают большую часть купола; в самом же верху - "Всевидающее око". Иконостас резной, мраморный,

Кладбище в Висбадене

иконы чудной кисти Неффа, фрески внутри купола работы Конфгартена. Свет обильно льется из купола и из больших окон по сторонам на всю церковь; отражаясь по местам на золоте и гладком мраморе, он останавливается только на северной стороне, перед темномалиновой бархатной занавесью. В церковной нише храма с левой стороны над могилою вел. герцогини находится мраморный саркофаг каррарского мрамора с высеченной наверху фигурой почивающей вел. кн. Елизаветы и кругом фигурами 12-ти апостолов. "Великая княгиня, скажем здесь словами кн. П. А. Вяземского, представлена лежащею на одре. Сон ли это отдыхающей жизни? Бессмертное ли усилие странницы, уже совершивший свой путь земной? Трудно решить! Так много жизни и теплоты в этом неподвижном и холодном мраморе; такое ясное и уже бесплотное спокойствие в выражении лица, во всем стане, в членах. Глядя на это надгробное изображение, спрашиваешь: смерть, где твое жало? И здесь духовная мысль победила смерть, т.е. выразила красноречиво и убедительно, что смерть ничто иное, как одно из проявлений бессмертия! - Довольно длинный ряд ступеней, спускающихся вниз, ведет отсюда в склеп. Отворите дверь в него, с цветными стеклами; как и при самом входе в храм - на вас не пахнет могильным тлением, вас

не охватит могильный мрак: воздух чрезвычайно сух и легкий, и неугасимая лампада сияет над могилой царственной покойницы, перед тем самым, у которого молилась она при жизни в своей комнате. Здесь так духовная мысль побеждает смерть, - здесь скорее всего можно вспомнить о древних катакомбах, где у нетленных тел святых мучеников раздавались победные христианские песни... И не чувствуется особенного контраста, когда опять поднимаешься кверху и через полусумрачную ротонду вступаешь в полный света и богато украшенный храм."

Не можем не привести здесь чудесно-поэтического описания кн. Вяземским самого перенесения тела Вел. княгини после 10-летнего пребывания его в католической церкви до построения новой, православной.

"В полночь на 14/26 мая совершена была православным священником лития перед выносом гроба блаженной памяти Великой Княгини; после чего он взял образ Спасителя, которым почившая была благословлена от своих высоких родителей, и вместе с тем открылась траурная процессия в новую православную церковь, где была приготовлена встреча со стороны прочего русского духовенства. Процессия сия проходила через многие улицы, наполненные народом, несмотря на позднюю пору, окна домов были открыты и изо всех выгляды-

вали лица. Память Великой Княгини жива в столице, которую она так недолго украшала присутствием своим; но и в это недолгое время успела добродетелью своею и прозорливостью и деятельной благотворительностью оставить по себе незабвенные следы, которые русский с радостью и благодарностью встречает везде, где жива и где живет отрасль нашего Царского Дома.

Картина была в высшей степени поразительная и трогательная. Благоуханная, тихая, теплая, ярко освещенная месяцем ночь таинственностью и торжественностью своею вполне соответствовала умирительному действию, которое совершалось на земле. С возвышения, на котором стоит церковь видно было, как погребальная процессия, при зажженных факелах, медленно поднималась на гору и приближалась к месту своего назначения. Последний земной переход странницы, которая так недолго жила на земле, и которой по смерти ее суждено было десять лет ожидать, пока заботливостью любви, ее оплакивающей, был устроен и освящен для ее останков приют, ее достойный. Звуки погребальной военной музыки заунывно раздавались в ночной тишине.

Наконец, почившая странница дома! Церковь приняла ее в свое лоно и осенила кровом и крестом своим. Гроб поставлен посреди храма, ярко освещенного, и мраморные стены блещут, отражая многочисленные огни.

10-го сентября 1861 года на обратном пути из Парижа Преосвященный Леонтий совершал в Висбадене литургию в сослужении с протоиереем В. П. Полисадовым, местным протоиереем А.А. Петровым. Затем, кроме протодиакона Оболенского, были здесь два диакона из Петербурга и один (Оглоблинский) из Веймара; певчих было два хора: один из четырнадцати человек, бывший на освящении церкви в Париже, под управлением г. Львовского, другой - из 8-ми немцев, поющих под управлением г. Форейта, весьма отчетливо, с совершенно чистым произношением русских слов. При входе Преосвященного в церковь она вся уже была полна народа. "Нужно ли говорить, писал о. прот. Полисадов, о чувствах русских, особенно давно живущих за границей и долго не видавших православного служения в такой торжественной обстановке? Мы слышали и уже замечали сами, что в заграничных церквях русские отличаются особенным благоговением и усердием в молитве; частью это зависит

Часовня

уже от особенного благоговения, с каким здесь совершается служение"; но также "нет сомнения, как говорит кн. Вяземский, что в каждом благонастроенном сердце чувство родного не только не ослабевает за границей, не притупляется от многообразных и многосторонних новых впечатлений, но напротив, изоощряется, крепнет и более и глубже сосредоточивается в себе. Каждая весть, каждый звук, долетающие до нас из родины, западает в душу, сладостно или горестно ее волнуя... И где же более и отрадней, как не в нашей церкви, можем мы утолить этот задушевный голос, эту жажду русских впечатлений, русских ощущений, разумных и нравственных?" Но не одни русские присутствовали при этом служении с глубоко возбужденным сердцем. "Вчера совершенно было, - так говорилось на следующий день в местной немецкой газете, величественное служение в греческой капелле... Мы должны признаться, что никогда еще не слышали духовного пения такой чистоты и свежести, как в бывшем при этом русском хоре; и мы полагаем наверное, что всякий из присутствующих здесь мог чувствовать, какое могущественное религиозное возбуждение производит в душе такое пение". По окончании литургии Владыка служил панихиду о упокоении почивающей близ храма виновницы сего сооружения.

На другой день Преосвященный еще раз был в церкви и заходил на устроенное близ нее в 1857 г. православное кладбище, чего накануне не позволила сделать дождливая погода. Оно устроено на средства Великой княгини Елены Павловны (матери почившей герцогини) и М. И. Д. на земле, принадлежавшей государственному имуществу Нассауского герцогства. Занимавшее вначале пространство в 25 кв. рут и 10

футов, оно впоследствии (в 1863-65 г.) увеличено более, чем вдвое, а именно на 82 кв. рут и 57 футов, и купчая, первоначально совершенная на имя протоиерея Янышева от 15 дек. 1864 г., была переписана на имя русского правительства. На кладбище устроена часовня для временного помещения усопших, водопровод и цистерна для запаса воды, и все кладбище обнесено каменной оградой. Кладбище это невелико, но по чистоте и изяществу вида едва ли уступит какому из зарубежных, отличающихся постоянно этими качествами. Прямо против входа в ограду, которою обнесено оно, в конце аллеи превосходная икона Воскресения; еще несколько узких аллей, обсаженных молодыми пирамидальными тополями, проходят, правильно пересекаясь через все кладбище, и делят его на несколько частей; почти в каждой из них, под ярко-светлой зеленью, уже высятся два-три могильных холма; иные обнесены решетками, над иными склоняются плакучие ивы, над всеми группы цветов, окружающих подножие креста. Это - будто сад, зеленеющий, цветущий, благоухающий; самые чувства скорби смягчаются здесь; самые "надгробные рыдания" переходят в облегчающие грудь вздохи и эта "сияющая красотой" природа, каждый год обновляющаяся, и

старые могилы

эта икона Воскресения, прежде всего останавливающая здесь взоры, и самы знаки дружеской и родственной "вечной памяти" живущих - все это напоминает, что не христианам скорбеть о своих отцах и братиях, как упование неимущих... Из надгробных украшений многие отличаются драгоценностью; но Преосвященный остановился особенно перед одним из самых простых - над могилою Висбаденского регента Смирнова. Покойный был учеником Преосвященного в Спб. семинарии... "Можно ли было тогда думать, сказал Преосвященный, что он умрет в Висбадене, и что я буду здесь молиться на его могиле".

Так как Неробергский храм находится вне города, на горе, и с большим трудом может быть в зимнее время согрета, то с половины сентября и до половины мая службы совершаются в другой, домовый церкви, находящейся в самом городе на Капелленштрассе 18 и тоже во имя святой праведной Елизаветы. Церковь эта освящена 1-го октября 1861 г. нынешним духовником их Величеств, протопресвитером Янышевым, и значительно расширена при его преемнике, протоиерее Арсении Вас. Тачалове. И в 1888 и 1898 гг. обновлена на средства гр. А. Н. Ламсдорфа и проф. И. К.

Объявляется подписка
на готовящееся ксерографическое
репринтное издание
ЧЕТЫ-МИНЕИ

сост. св. Димитрием Ростовским
(= жития святых в 12 томах)
по церковно-славянски
цена каждого тома
(в твердом переплете)

75.- н.м.

Заказы направлять по адресу:

Diakon Georgij Kobro
Am Moosfeld 20
D- 8916 Penzing

Рахау при протоиерее С. В. Протопопове. Иконостас, престол, жертвенник и прочие принадлежности прежней Миссийской церкви во Франкфурте, которые не были употреблены в каменной надгробной, нашли себе применение в зимней, домово́й церкви, при которой находится и помещение (дом принадлежит герцогскому управлению) для настоятеля церкви.

Настоятель – прот. Сергей Васильевич Протопопов – сын умершего прот. Большого Собора Зимнего дворца, из потом. дворян, род. 8 июня 1851 г. Окончил курс Спб. Духовной Академии в 1874 г. и рукоположен во священники в Александро-Невскую церковь в Смольном институте, в 1875 по 1880 г. состоял редактором журнала "Странник"; в 1876 г. на летний сезон был командирован для священнослужения в Карлсбад; в 1878 г. перемещен к Никольской православной церкви в Ниццу; в 1883 г. устроил домовую церковь в Ментоне и открыл в ней богослужение для проживающих там русских больных. Сюда перенесена была им, с соизволения королевы Ольги Николаевны – старая походная церковь в Бозе почивающей императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая I, в 1884 г. возведен в сан протоиерея; устроил церковь в г. Каннах в доме А. Ф. Трипэ-Скриницыной и, по освящении, открыл в ней богослужение с 22 декабря 1885 г. В 1887 г. перемещен в Висбаден. Издал нотные переложения литургии на русском и немецком языках и "О художественном элементе в православном церковном пении". Имеет митру.

Диакон Сергей Сергеевич Полевой из потом. дворян – сын генерал-лейтенанта, род. 21 февраля 1873 г. Из вольноопределяющихся поступил в 145 пехотный Ново-черкасский Его Величества полк в 1893 г. уволился в запас армии в чине подпрапорщика, в 1897 г. определен псаломщиком в церкви Сибирского флотского экипажа, в 1900 г. рукоположен во диакона на той же вакансии псаломщика, в 1901 г. переведен к церкви Бобруйского дисциплинарного батальона, в 1902 г. переведен в Висбаден.

Псаломщик Василий Иванович Хутынский, род. 29 дек. 1838 г. в Спб. епархии окончил курс в Спб. духовной семинарии в 1861 г. состоял воспитателем в доме бедных Императорского Человеколюбивого Общества; определен псаломщиком в Висбаденской церкви в 1869 г. 29 янв.

До сего места мы почти без изменений приводили текст протоиерея Алексия

Храм Св. Елисаветы и вид с храма на г. Висбаден

Мальцева из его книги: "Братский ежегодник, Православные Церкви и Русские Учреждения за границею", Петроград 1906.

Позже, в 1896 г., Царь-Мученик Николай II со своей супругой Царицей-Мученицей Александрой Феодоровной (рожд. Дармштадтской принцессой Аликс), посетил храм св. прав. Елисаветы. Царя-Мученика сопровождали также Вел. Кн. Сергей Александрович с супругой Елисаветой Феодоровной, сестрой царицы, которая была впоследствии убита большевиками, день после Царской семьи, 18 июля 1918 г. Мощи св. Новомученицы ныне покоятся на св. Земле, в русском монастыре в Гефсимании. Царь-Мученик купил на свою личную казну – храм, кладбище и участок леса кругом, чтобы сохранить для православных в Германии это сокровище.

Как правило, священники окормляющие приход в Висбадене отвечали также за храмы в Бад Эмсе и в Дармштадте. Лишь вследствие Второй мировой войны приходы в Германии настолько разрослись, что Епархии во главе с епископом Берлинским и Германским пришлось полностью перераспределить обслуживание приходов. Последние годы один и тот же священник окормляет и Висбаден и Дармштадт.

Наш "Вестник" является официальным органом Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. Редакторы "Вестника" стараются по совести высказывать мысли согласные с учением Святой Православной Церкви и нашей иерархии. Однако, при всем старании авторов, иногда могут допускаться ошибки. Ответственность за такие ошибки ложится исключительно на авторов статей и на редакторов "Вестника", но ни в коем случае не на Архиерейский Синод или Епархиальное Управление, которые не ведут предварительной цензуры, и не могут знать заранее, где и что будет напечатано.

"Вестник" распространяется даром. Он издается трудом и иждивением братства Преп. Иова в Мюнхене. Всех заинтересованных в его существовании и распространении мы просим жертвовать на счет Монастыря с соответствующим указанием на переводе. Малые пожертвования возможны в форме марок.

Счет Монастыря: (PSCHA München Konto Nr. 53031-801)

Адрес Редакции:

Vestnik
Kloster d.Hl. Hiob von Počaev
Schirmerweg 78
8000 München 60
Tel. (089) 834 89 59
Fax: (089) 88 67 77

Изданіе братства прѣбнаго Іова Почаевскаго
Русской Православной Церкви Заграницей
въ Мюнхенѣ